

РЕЦЕНЗИИ

Эйделькинд Я. Д.

ПЕСНЬ ПЕСНЕЙ. ПЕРЕВОД И ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ К ГЛАВАМ 1–3

М.: РГГУ, 2015. 156, VIII с.; 157–536 с. (Orientalia et classica; vol. 53/1–2); ISBN: 978-5-7281-1743-8, ISBN 978-5-7281-1744-5¹

УДК 223.9 (82-95)

DOI: 10.31802/2658-4476-2019-1-1-221-231

В 2015 году в издательстве РГГУ вышел перевод и филологический комментарий первых трёх глав ветхозаветной книги Песнь песней, написанный известным библеистом и филологом Яковом Давидовичем Эйделькиндром. Характеризуя работу в целом, отметим, что она состоит из пространного введения и собственно комментированного перевода. При этом в вводной части наличествуют следующие разделы²: лингвистическое введение, текстологическое введение, литературоведческое введение, об аллегорическом толковании Песни песней, датировка Песни песней. Затем следует перевод и последовательный комментарий (в последнем постоянно включается параграф «язык», в котором объясняется лингвистическая специфика оригинального текста) данной ветхозаветной книги. В конце книги напечатано приложение, в котором небезынтересными представляются следующие параграфы: экскурс о *še*, средневековые еврейские учёные, цитируемые в этой работе, и аннотированный список важнейших современных комментариев к Песни песней.

Итак, для начала стоит выделить методологию подачи материала. Я. Д. Эйделькинд, рассчитывая, видимо, на широкий круг читателей, в разделе «Лингвистическое введение» (с. 11–29) описал специфику древнееврейского языка, в том числе объяснил свою транскрипцию

1 В свободном доступе для чтения оба тома данной книги наличествуют на следующей странице ИВКА РГГУ: <http://ivka.rsuh.ru/news.html?id=2635102>.

2 Внутренний рубрикатор каждого раздела в настоящей рецензии специально приводиться не будет. Оставляем это на интерес читателя.

оригинальных текстов, написанных на библейском иврите и арамейских языках, а также грамматические термины. Особого внимания заслуживает параграф о литературных стилях древнееврейского языка, поскольку в нём автор обращается к установлению принципиальных отличий между библейскими прозой и поэзией. Помимо языковых различий, между данными жанрами существуют и типологические.

В этом же разделе работы приводится историческая справка об арамейских языках, в которой описываются древний и имперский арамейские, а также среднеарамейские и новоарамейские диалекты и арамейский язык Палестины. Благодаря этому получилось охарактеризовать «раввинистический язык и его разговорную основу» (с. 22–26). На этой теме остановимся подробнее.

Как пишет Я. Д. Эйделькинд, «раввинистический (или послебиблейский, мишнаитский) язык, на котором написаны Мишна³, Тосефта⁴ и другие произведения раввинистической письменности, отличается от древнееврейского языка Библии рядом особенностей лексики и грамматики. Многие особенности (хотя далеко не все) объясняются глубоким арамейским влиянием (подчеркнуто мной. — *Н. Ш.*) — можно сказать, что это сильно арамеизированный вариант еврейского языка... Согласно общепринятому в современной науке представлению, основу раввинистического языка составляет живой разговорный язык, бытовавший в Иудее I–II веков н. э. наряду с арамейским и греческим. Вероятно, многие жители в той или иной степени владели всеми тремя языками или двумя из них, но для некоторых местностей и социальных групп могло быть характерно преимущественное употребление арамейского, еврейского или греческого в разговорной речи. Реконструировать языковую ситуацию в деталях вряд ли возможно, имея в своём распоряжении только письменные источники» (с. 22–23).

Между тем, как отмечает автор, на рубеже XIX–XX вв. появилась версия о том, что раввинистический язык представляет собой искусственный идиом, поскольку в те времена евреи говорили по-арамейски, а писать пытались по-древнееврейски. А поскольку иврит после Вавилонского плена постепенно перестал быть разговорным, постольку

3 «Собрание трактатов, содержащих в основном правовые и ритуальные предписания. Мишна является ядром Талмуда и основополагающим текстом раввинистического иудаизма» (Эйделькинд Я. Д. Песнь песней. Перевод и филологический комментарий к главам 1–3. М., 2015. С. 22, сноска 45).

4 «Тосефта (букв. «добавление») — сборник, содержащий дополнения к Мишне» (Там же. С. 22, сноска 46).

язык Мишны и других памятников представляет собой неудачную попытку «оживить мёртвый» еврейский. М. Х. Сегал опровергал эту гипотезу в своих работах (1908 и 1927 гг.), но позже данная теория стала развиваться благодаря работам К. Байера, а также С. В. Лёзова (см.: с. 23, сноски 49–50).

Тем не менее Я. Д. Эйделькинд, опираясь на ряд аргументов, считает, что «раввинистический письменный язык отражает особенности живого еврейского языка начала нашей эры» (с. 24). Среди основных аргументов, подтверждающих данный тезис, следует выделить несколько положений:

- 1) значительная часть лексики раввинистического языка не встречается ни в Библии, ни в арамейских источниках;
- 2) естественной эволюцией живого языка объясняется развитие в раввинистическом языке тенденций, свойственных древнееврейскому языку;
- 3) некоторые явления, спорадически встречающиеся в языке Библии, стали нормой в раввинистическом, что подтверждает естественное развитие древнееврейского⁵.

Стало быть, изложенная теория доказывает тезис о том, что Иисус Христос вполне мог учить не только по-арамейски, но и по-еврейски, а именно на живом раввинистическом языке. По крайней мере, Он мог на этом языке произносить основные положения Своего Евангелия, а также молитву «Отче наш». Впрочем, на данный момент пока не существует непрекаемых аргументов, чтобы можно было однозначно согласиться с точкой зрения Я. Д. Эйделькинда, хотя она и представляется наиболее верной.

В следующем параграфе («Своеобразие языка Песни песней»⁶) автор пишет, что «поэтическая ткань Песни песней» условно разделяется на элементы трех типов:

- «1. Элементы, характерные для древнееврейского языка в целом, во всех его литературных формах.
2. Элементы традиционного поэтического языка.
3. Разговорные протораввинистические элементы (включая арамеизмы)» (с. 26).

В качестве некоего итога авторского представления о лингвистических особенностях Песни песней можно привести пространную цитату из этого же раздела: «С моей точки зрения, Песнь песней — не запись

5 Об этих и других аргументах см. подробнее: Там же. С. 23–26.

6 Там же. С. 26–28.

устных народных песен, а литературная поэзия, предназначенная для чтения. Она использует и перерабатывает материал фольклорного происхождения (устойчивые фразы, мотивы, жанры). То же самое касается и языка: Песнь песней — не наивное, лишённое всякой рефлексии отражение разговорного языка, а искусное соединение разговорного и книжного языков. В этом смысле язык Песни песней — чисто литературный, изобретённый её автором или авторами; это язык, на котором никто никогда не говорил» (с. 28). Наконец, говоря о специфике языка данной книги, автор отмечает, что «необычная близость языка Песни песней к равнинистическому объясняется, видимо, беспрецедентным внедрением разговорной речи в литературный текст. Эта особенность прослеживается почти по всему тексту книги. Правда, заглавие (1, 1) и первое стихотворение (1, 2–4) начисто лишены примет разговорного языка» (с. 56). Последнее, по нашему мнению, можно объяснить сравнительно поздней редакцией библейского текста, его «выхолащиванием» или же, напротив, заглавие и первое стихотворение являются наиболее ранним фрагментом, который не дерзнули редактировать.

Впрочем, вышеприведёнными замечаниями лингвистическая специфика Песни песней отнюдь не исчерпывается. Я. Д. Эйделькинд обнаружил, как нам кажется, значимую для дальнейшего изучения всего корпуса ветхозаветных книг особенность. Дело в том, что масоретская огласовка, как и акцентуация, является, по сути дела, экзегезой Священного Писания, при этом не всегда верной и бесспорной. Так, автор пишет: «Есть ряд случаев ошибочной или сомнительной огласовки (4, 3; 5, 13; 6, 12; 7, 1, 9; 8, 5). В 2, 16 и 4, 5 я считаю нужным передвинуть конец стиха, а в 2, 10; 2, 13; 6, 12 и 8, 13 отступаю от масоретской акцентуации в разбиении стиха на строки» (с. 40). На этой же странице он отмечает, что в Песни песней встречается приём двойного прочтения. Его суть заключается в том, что одно и то же слово можно прочитать/огласовать двумя способами, и оба будут правильными. Стало быть, в тех случаях масоретская огласовка «не является ошибочной, а просто даёт лишь один из двух правильных вариантов прочтения» (там же).

Для того чтобы лучше вникнуть в данную проблематику остановимся, как это и сделал автор (с. 77–79), на ней подробнее. Итак, помимо омонимов, в Песни песней встречаются омографы — слова, совпадающие лишь на письме, что даёт возможность прочитать их двумя способами, то есть с разной огласовкой, и оба варианта будут иметь верный, соответствующий контексту смысл. «Например, первая строка Песни песней может быть прочтена либо: «пусть он поцелует меня

поцелуями своих уст», либо: «пусть он напоит меня поцелуями своих уст»⁷. В первом случае וְשָׁנָה / ušqnu⁸ читается как וַיִּשְׁאַקְעֵנִי / yiššāqēnî, а во втором — как וַיֶּאֱשָׁקְעֵנִי / yašqēnî» (с. 78). Процитируем ещё один пример: «В Песн. 4, 10 слово דָּדַי / ddyk можно прочесть как דָּדַיִק / daddayik «твои груди» или דֹּדַיִק / dōdayik «твои ласки». Соответственно, строка означает в первом случае: «Как прекрасны твои груди, сестра моя, невеста», во втором: «Как прекрасны твои ласки, сестра моя, невеста»⁹. Та же игра слов — в 7, 13» (там же). Далее автор обозначает ещё несколько примеров двойного прочтения. Данные наблюдения позволили ему сделать следующий вывод: «Обыграть одинаковое написание слов можно только в письменном тексте. При восприятии со слуха эффект пропал бы. Использование этого приёма, на мой взгляд, показывает, что Песнь песней создавалась как письменный текст, предназначенный для чтения глазами» (с. 78–79).

Ещё одним значимым вопросом является тезис о единстве текста, который, разумеется, часто оспаривают. Тем не менее, «с моей точки зрения, Песнь песней обладает жанрово-стилистическим единством, своей особой поэтикой», — пишет Я. Д. Эйделькинд (с. 49). Далее автор исследует основные черты поэтики этой библейской книги, а также основания для того чтобы считать, что книга имеет жанрово-стилистическое единство. К таким чертам относятся: «взаимная любовь как единственная тема», «тип эротики», «квазидраматический характер текста», «последовательность в изображении героев», «сквозные персонажи», «повторяющиеся метафоры», «повторяющиеся строки»,

- 7 Ср. со следующим переводом: «Пусть целует, пусть он целует меня» (Песнь песней Соломона / пер. с древнееврейского прот. Л. Грилихеса // Сборник трудов кафедры библеистики Московской духовной академии. 2018. № 5. С. 7). Обозначенный труд является переводом всей библейской книги Песнь песней с оригинального языка. Вместе с тем его автор ранее опубликовал перевод первых трёх глав: *Грилихес Л., прот. Песнь песней // Альфа и Омега. 2007. № 3 (50). С. 33–44.*
- 8 Отмечу, что здесь и далее транслитерация оригинальных текстов выполнена мной в целях унификации транскрипции во всей рецензии, то есть с теми фрагментами, где не цитируется работа Я. Д. Эйделькинда. Если перевод оригинальных текстов тоже не приводится из данной или других работ, то он выполнен мной. Также, соблюдая принцип подачи оригинального текста в настоящем Сборнике (сначала древнееврейский/арамейские тексты, а затем через slash писать транслитерацию), при цитировании упомянутой и других работ в случае, если там приводится только транскрипция, мы всё равно набираем оригинальный текст, тем самым дополняя цитируемый текст.
- 9 Ср.: «Как приятны ласки твои, невеста, сестра моя» (Песнь песней Соломона / пер. с древнееврейского прот. Л. Грилихеса // Сборник трудов кафедры библеистики Московской духовной академии. 2018. № 5. С. 13).

«повторяющиеся сюжетные мотивы, ситуации, структуры», «переключение одного и того же образа из буквального плана в метафорический и обратно», «сочетание трагического и комического», «сжатый стиль» и «особый язык» (с. 50–56).

В параграфе «Тип эротика» автор пишет: «Песнь песней изображает как эмоциональный, так и телесный аспект любви. Герои целуются (1, 2), обнимаются (2, 6; 8, 3) и проводят вместе ночь (1, 13; 7, 12). В 8, 5 героиня напоминает герою: «я под яблоней стала твоей» (в оригинале буквально: «возбудила тебя»). Но даже в этих «откровенных сценах» показано немного. Чаще эротика завуалирована метафорой... Разумеется, любовная поэзия Песни песней не обходится без описания тел героев... С другой стороны, самые интимные части тел героев в тексте эксплицитно не упоминаются. Однородный характер эротика во всей Песни песней — один из факторов её стилистического единства. Другой вопрос, чем объяснить эту однородность. Любовная поэзия Древнего Востока и античности знает разные типы эротика. Например, в шумерских текстах довольно часто встречается откровенное изображение сексуальной физиологии. Дошедшая до нас египетская лирика, за редкими исключениями, более сдержанна, как и Песнь песней. Возможно, в разных литературах Древнего Востока и в разных жанрах внутри каждой из литератур существовали свои конвенции, которыми и определялся тип эротика, который мы наблюдаем в Песни песней, свойственный определённому автору, поэтической школе или целому жанру» (с. 50–51).

Итак, для начала отметим, что древнееврейское выражение תַּחַת הַיַּבְלוֹן הִתְאַוְּהָה לְבָרְתִּיקָה / taḥat hat-tappû^ah ṣōartîkâ можно перевести не только как: «я под яблоней встревожила/взволновала/возбудила тебя», но и просто: «я под яблоней разбудила тебя»¹⁰ (Песн. 8, 5). Так что однозначного указания на эротика здесь нет. В целом такой подход к Песни песней, то есть утверждения, что там явно наличествует эротика, обусловлен тем, что Я. Д. Эйделькинд является противником аллегорического толкования этой библейской книги.

Так, посвятив вопросу об аллегорическом толковании отдельную главу (с. 93–125), в котором он проанализировал древнейшие толкования Песни песней (Септуагинту, раввинистическую литературу, аллюзии в 3-й книги Ездры), а также причины возникновения такого толкования по П. Рикёру и другие вопросы (в том числе и темы «брак Яхве с Израилем у пророков», «Песнь песней в библейском каноне»),

10 Ср.: «я тебя под яблонькой разбудила» (Там же. С. 18).

он пришёл к следующим умозаключениям. «Аллегорическое толкование Песни песней возникло, по-видимому, не как ответ на вопрос о смысле библейского текста, а как результат использования этого текста для осмысления собственной ситуации читателей. Первоначально отдельные фразы и обороты, а затем и весь текст давали иудейским и христианским авторам материал, из которого они строили свои собственные высказывания о том, что их волновало больше всего: об отношениях общины или отдельного верующего с Богом.

Некоторые современные филологи попытались сделать аллегорическое толкование ключом к пониманию самой Песни песней как древнееврейского литературного памятника. Эта гипотеза ведет к натяжкам.

Древние и средневековые произведения (комментарии, проповеди, мистические стихи), вдохновлённые Песнью песней и перпевающие её на аллегорический лад, сохраняют самостоятельный интерес. Но тому читателю, который стремится к встрече с Песнью песней как древневосточным текстом, лучше искать другие подходы, нежели аллегорический. Это относится как к светскому читателю, так и к теологу.

Современные теологические прочтения Песни песней, как правило, неаллегорические» (с. 124). Тем не менее, как пишет автор в начале данного экскурса, «вытеснение богословско-аллегорического толкования эротическим произошло в эпоху секуляризации. Получается, что эротическое прочтение так же предопределено культурным контекстом, как и аллегорическое... Во-вторых, аллегорическое толкование представлено не только древними и средневековыми экзегетами: у него есть сторонники среди современных филологов... В третьих, предложенное выше понимание Песни песней как сборника книжной поэзии естественно ведёт к вопросу, зачем такая поэзия сочинялась» (с. 93–94). Эти три причины побудили автора уделить особое внимание настоящему вопросу. И они же показывают, что вопрос об аллегорическом толковании до сих пор является актуальным, пусть и не столь востребованным, как в более древнее время, поэтому библеисты вынуждены, даже если они являются противниками такого толкования, обращаться в своих комментариях к данной теме. Стало быть, у нас нет серьёзных оснований однозначно признать аллегорический подход к толкованию Песни песней принципиально неверным, искажающим первоначальный, истинный смысл данной книги. Таким образом, мы вполне можем согласиться с автором предшествующей рецензии на данную работу, убедительно доказавшем, что именно данную книгу стоит толковать аллегорически,

скорее всего, III — началом II в. до н. э. Если же допустить, что в книгу вошли произведения разных веков, то тогда самые ранние тексты могут относиться, вероятно, к IV в. до н. э., а самые поздние могли быть добавленными даже во II — начале I вв. до н. э.» (с. 154–155). Впрочем, несмотря на множество арамеизмов, мы не можем однозначно утверждать, что книга была написана, а не претерпела существенную редакцию в персидскую эпоху. В последнем случае (редакции) можно допустить и более раннюю датировку возникновения книги, вплоть до эпохи Соломона.

В свою очередь, вопрос об эпохе Соломона тесно связан с вопросом об авторстве. Мы пока не имеем непрекаемых аргументов, чтобы отрицать авторство Соломона, хотя с этим не согласен Я. Д. Эйделькинд. Тем не менее относительно этого вопроса он сделал важное замечание: «Для нас наиболее привычна ситуация, когда литературный текст существует под именем своего реального автора. Это правило лишь подтверждается исключениями — псевдонимами и литературными мистификациями. Но для Библии, наоборот, заглавие с указанием реального автора — исключительный случай. Многие книги Библии названы по именам своих героев, а не авторов (например, книги Иова, Ионы, Иисуса Навина, Самуила, Руфи, Эсфири). На первый взгляд, пророки (например, Иеремия или Амос) — не только персонажи одноимённых книг, но и авторы входящих туда пророчеств. Но иногда под именем одного пророка собраны пророчества разных людей и эпох (очевидный пример — книга Исаии); кроме того, создателями пророческих книг могли быть не сами пророки, а анонимные книжники. Даже в тех случаях, когда не исключено непосредственное составление письменного текста самим пророком, то есть когда пророк по совместительству мог быть и книжником, право на увековечение своего имени давал ему скорее авторитет пророка, чем труд писателя» (с. 82–83). Следовательно, прежде чем говорить об авторе конкретной библейской книги необходимо понять принципы установления авторства. Ведь очевидно, что это происходило значительно позже возникновения самих книг (скорее всего, в большинстве случаев в персидскую эпоху, а возможно, и в ещё более позднее время). И вполне возможно, что приписывая библейскую книгу конкретному автору, книжники стремились определить главного героя книги, а не только «автора» в нашем понимании данного слова. Так что вопрос о принципах определения авторов библейских книг заметно усложняется. Это, несомненно, должно учитываться в исагогике.

Таким образом, стоит отметить, что сам перевод и комментарии Песни песней (первых трёх глав) выполнен автором на высоком уровне, как и вся работа. Несмотря на несогласие с Я. Д. Эйделькиндром по некоторым вопросам, в целом его труд представляется образцовым для перевода и комментирования библейских книг как в плане методологии, подачи материала, так и в подходе. Последний заключается в следующем: при переводе конкретной библейской ветхозаветной книги необходимо определиться с основным источником, будь то масоретский текст, Септуагинта, Вульгата, Пешитта или любой другой древний перевод, и переводить с него, а другие рукописи, переводы, возможно, апокрифы лишь учитывать в сносках. Тогда перевод будет явно качественнее и в историческом плане более оправданным. Ведь те же масоретский текст и Септуагинта представляют собой памятники разных миров (древневосточного Израиля и эллинизма) и разных традиций, так что эти переводы не конкуренты один другому¹³. Следовательно, рецензируемый нами труд представляется весьма важным для развития библеистики.

Источники

- Bible Works 10. Copyright (c) 2015 Bible Works, LLC. Version 10.0.4.114. (Electronic edition).
- Biblia Hebraica Stuttgartensia / hrsg. K. Elliger und W. Rudolph. Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft, ⁵1997.
- The Comprehensive Aramaic Lexicon. [Электронный ресурс]. URL: <http://cal.huc.edu> (дата обращения: 13.02.2019).

Литература

- Грилихес Л., прот.* Песнь песней // Альфа и Омега. 2007. № 3 (50). С. 33–44.
- Песнь песней Соломона / пер. с древнееврейского прот. Л. Грилихеса // Сборник трудов кафедры библеистики Московской духовной академии. 2018. № 5. С. 7–19.
- Селезнёв М. Г.* Еврейский текст Библии и Септуагинта: два оригинала, два перевода? // XVIII Ежегодная богословская конференция ПСТГУ: Материалы. М.: ПСТГУ, 2008. С. 56–61.
- 13 Подробнее об этом см., например: *Селезнёв М. Г.* Еврейский текст Библии и Септуагинта: два оригинала, два перевода? // XVIII Ежегодная богословская конференция ПСТГУ: Материалы. М., 2008. С. 56–61.

Скобелев М. А. Рец. на: *Эйделькинд Я. Д.* Песнь песней. Перевод и филологический комментарий к главам 1–3. М.: РГГУ, 2015 (Orientalia et classica; вып. 53/1–2) // БВ. 2015. Т. 18–19. № 3–4. С. 482–489.

Эйделькинд Я. Д. Песнь песней. Перевод и филологический комментарий к главам 1–3. [Электронный ресурс]. URL: <http://ivka.rsuh.ru/news.html?id=2635102> (дата обращения: 03.03.2019).

Эйделькинд Я. Д. Песнь песней. Перевод и филологический комментарий к главам 1–3. М.: РГГУ, 2015. (Orientalia et classica; вып. 53/1–2).

Диакон Николай Шаблевский